

А.А. Моторина, аспирант МГОУ.

Борьба за чистоту Православия в новгородском искусстве XVI века.

От создания мира человек, наделенный свободой воли, оказался перед выбором: быть с Богом или без него. История показывает, что если от Бога отпадают не отдельные люди, а целая нация, то рано или поздно такой народ бывает наказан и, если все же не внемлет предостережениям, истреблен. Подобные уроки долго хранятся в народной памяти, передаваясь через художественные и литературные источники для назидания потомков. Этому учат библейские сказания о древних иудеях, неоднократно преследуемых Богом за отступничество. Об этом же напоминает и гибель Византийской империи, занявшей избранное место иудейского царства после Воскресения Христова. Принятие равноапостольным князем Владимиром крещения в 988 году стало не просто личным религиозным выбором, но определило и последующее культурно-историческое развитие страны. Монотеистическая вера христианства способствовала укреплению на Руси государственности, а близость с Византийской империей раскрыла перед славянскими народами достижения античной цивилизации.

Начиная с XVI века, в России набирает популярность теория преемственности, рассматривающая Москву как «третий Рим», а русский народ, соответственно, как богоизбранный, народ Богоносец. Несмотря на предсказания псковского старца Филофея о том, что «два Рима падоша, а третьей стоять, а четвертому не быти»¹, примеры богоотступничества встречаются и в русской истории. Яркий пример Божьей кары над городом сохранили для потомков новгородские летописные и иконописные источники.

В 1471 году, не желая подчиняться власти Москвы, новгородские бояре заключают договор с великим князем Литовским и королем Польским Казимиром IV. Руководимые вдовой посадника Марфой Борецкой, жители приглашают польского наместника на правление. В это время в городе появляется иудейская ересь, направленная на подрыв устоев Православия. Многие простые новгородцы и жители окрестных сел были соращены в учение жидовствующих своими духовниками, так как именно из среды диаконов и священников шло основное распространение духовной смуты. Дважды за это время опустошаем был город пожаром, но это не останавливало отступников от веры православной, пишет автор жития архиепископа новгородского Геннадия². С точки

¹ Послание Филофея, игумена Елизаровской пустыни, к Государю великому Василию Ивановичу всея Руси // БАН, собр. Ф. Плигина, № 57, 21.5.15, рук. XVII в. А. 121 об. См. по современному изданию: Филофей, старец. Послание великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. М., 1884. С. 441.

² Святые Новгородской Земли, или история Святой Северной Руси в ликах X – XVIII вв. В двух томах // Том 2. В. Новгород, 2006. С. 771–804.

зрения Великого князя Ивана III и его сторонников, стремившихся к укреплению Руси путем объединения всех русских земель вокруг Москвы, союз с католической Польшей был предательством национальных и православных интересов.

В 1478 году Новгород, пытаясь противостоять всем полкам русским, терпит поражение. Приходит конец Новгородской вольности, которую горожане хотели сохранить во что бы то ни стало, даже путем союза с неправославными государствами. В наказание за это Иван III выселяет повинных бояр за пределы новгородских земель, а земельную собственность передает московским служивым людям.

Однако на этом не заканчиваются новгородские беды. С 1506 по 1508 год в городе свирепствовала моровая язва. Об этом ужасающем по продолжительности и количеству погибших событии сохранилось следующее свидетельство в летописи: «При великом князе Василье Ивановиче всея Руси и при архиепископе Новгородском, владыце Серапионе, бысть в Новгороде мор велми велик, паде же и людей безчисленно, и того бысть по три осени. Последнюю же осень, лето 7016 (1508), паде людей, мала и велика, мужеска полу и женска, 15000 душ и 400 без четырех голов»³.

В том же 1508 году в Новгороде на Торговой стороне произошел пожар, о котором летописец пишет, что такого страшного пожара еще никогда не бывало. Страшная буря усиливала свирепость огня, вихрь сокрушал дома и с корнем выворачивал деревья, Волхов взволновался так, что разбились многие суда. Назвав число сгоревших – 2314, летописец добавляет: «утопших же и сгоревших в пепел число Бог весть, а горело день да ночь да на завтрее до полуден»⁴.

Помимо документальных свидетельств о бедствиях, постигших вольнолюбивый город, данные события по-своему отразились в литературных и иконописных источниках. Основой сюжета стало сказание о «Видении пономаря Тарасия», прославляющее чудесное избавление города от гибели по молитвам преподобного Варлаама Хутынского. Данное чудо было сотворено уже через несколько веков после преставления святого. Записанное в начале XVI века, оно не только вошло в состав Жития преподобного Варлаама, но и издавалось как самостоятельное произведение. Содержание «Видения пономаря Тарасия» таково. Однажды пономарь церкви Спаса Преображения в Хутынском монастыре «некия ради потребы церковныя» был «в полунощи»⁵ (416) в церкви. Вдруг сами зажглись все свечи и паникадила, храм наполнился благоуханием и из гробницы вышел преподобный Варлаам. Святой долго со скорбью и слезами молился перед святыми иконами, после чего обратился к обътому страхом пономарю со словами: «Брате Тарасие, хошет Господь Бог погубити Великий Новьград; взыде, брате Тарасие, на самый верх церковный и узриши пагубу Великому Новуграду, что хошет ему Господь Бог сотворити» (416). Поднявшись на кровлю церкви, Тарасий увидел, что над Новгородом нависло озеро Ильмень, готовое обрушиться на город. Пономарь в ужасе сбежал вниз и рассказал святому об увиденном. Преподобный Варлаам вновь долго молился и затем вторично послал пономаря на верх церкви. На этот раз пономарь заметил грозных ангелов, стреляющих огненными

³ Летопись Новгородская IV // Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 460.

⁴ Летопись Новгородская IV // Полное собрание русских летописей. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 461.

⁵ Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 416. Здесь и далее ссылки на это издание приводятся в скобках вслед за выдержками.

стрелами «на множества народа людского, на мужи и жены и на дети их» (418), а около каждого человека стоял его ангел-хранитель с книгой в руках. И если человек был «написан в живых», то ангел окроплял такого человека «кистию из сосуда, приемля мира небесного» (418), и тот исцелялся. Если же человек был записан «ему же умерти», то ангел, «не помазав его миром» (418), отходил, и человек этот был обречен на гибель. Вернувшись к преподобному Варлааму, пономарь рассказал ему и об этом видении. Святой разъяснил, что Бог пощадил новгородцев, «еже не потопил потопом града, но посылает Господь Бог на люди казнь – мор, но с милостью» (420). В третий раз поднимается Тарасий по повелению святого на верх церкви и видит над Новгородом огненную тучу. Это видение пономаря Варлаам истолковывает так, что через три года после мора в Новгороде случится великий пожар: вся Торговая сторона сгорит и множество людей погибнет, но все-таки город не будет стерт с лица Земли, потому что «Пречистая Богородица со всеми святыми умолила Сына Своего и Бога Нашего Иисуса Христа и избавила град свой от потопа» (420).

Советские исследователи древнерусской литературы и иконописи (см.: Дмитриев, Лихачев, Порфиридов и др.) рассматривали «Видение...» как страшную легенду, возникшую «под свежим впечатлением от несчастий, обрушившихся на Новгород, то есть вскоре после 1508 года»⁶. Моровая язва, затем страшный пожар – эти «события, хронологически следовавшие одно за другим, очевидно, объединились в сознании новгородцев в единое бедствие и послужили основой <...> видения пономаря Тарасия»⁷, – обобщает общепринятое в XX веке мнение Л. А. Дмитриев. Одним из главных доводов в пользу этой теории считается наблюдение Д. С. Лихачева, в котором он весьма убедительно соотносит время возникновения сказания с постройкой в Хутынском монастыре в 1515 году нового Преображенского собора: «Это был один из немногих поздних новгородских храмов, имевших внутренний ход на кровлю, с которой открывался <...> неповторимый вид на Новгород: город расстился на юг от собора, был виден во всех своих деталях, а за городом, как бы нависая над ним, на самом горизонте стояло казавшееся выпуклым Ильмень-озеро. Открывавшаяся с крыши Хутынского собора панорама могла быть поводом к созданию легенды»⁸, – заключат Д. С. Лихачев.

Однако вне зависимости от того предшествовало ли «Видение...» бедствиям, выпавшим городу, или было записано уже после случившихся событий, в данной истории содержится важный, бережно хранимый для потомков опыт. Новгород к концу XV века оказался настолько несправедным городом, что все несчастья, обрушившиеся на него в начале XVI века, жители восприняли как небесную кару. Когда ради временной вольности горожане были готовы предать не только национальные интересы, но и отступить от православной веры, все жители Новгорода и даже городские стены, и святые церкви оказались осквернены нечестием. Как уничтожил Господь Содом и Гоморру, так Он был готов стереть с лица Земли и несправедный Новгород. Лишь заступничество преподобного Варлаама Хутынского спасло город от окончательной гибели. Но для вразумления жителей и их потомков новгородцев постигают три года

⁶ Там же. С. 724.

⁷ Там же.

⁸ Лихачев Д. С. Новгород Великий // Очерк истории культуры Новгорода XI – XVII вв. М., 1959. С. 90.

подряд страшные бедствия, во время которых каждый явно ощущает над собой проявление воли Божией.

Изобразительность рассказа о видении пономаря Тарасия нашла отражение в новгородской живописи. Уже в конце XVI века появляется первая икона, повествующая о страшных бедствиях, постигших новгородцев; всего же до нас дошло семь новгородских икон и книжные миниатюры, посвященные этому сюжету (см. рис. 1).

Икона «Видение пономаря Тарасия» – это не просто моленный образ, а образ-напоминание, предупреждающий новгородцев о грядущих бедах, в случае если они вновь впадут в гордость и отступят от православной веры.

Вероятно, данный сюжет был не забыт горожанами, так как у них сохранялась надежда на молитвенное заступничество за город и за каждого православного всем сонмом новгородских святых.

Композиционная схема всех вариантов иконы одинакова. Изображение разделено на две зоны: «небесную» и «земную». В верхней части иконы, в ширину ее, в девяти разноцветных сферах изображаются чины ангельские, с Отчеством - Деисусом в центральной сфере (изображение Новозаветной Троицы с предстоящими Богородицей и Иоанном Предтечей). Непосредственно под ними на более крупных иконах расположены стоящие на облаках группы святых. По положению их фигур и рук становится понятно, что они изображены не в момент пения хвалы Богу, а во время молитвенного прошения, на которое они встали по призыву преподобного Варлаама Хутынского. И молитва их, безусловно, о помиловании Новгорода. Интересно, что преподобный Варлаам в этот момент и духом, и телом присутствует на земле, а не в небесных сферах, являясь как бы посредником между Богом и грешными новгородцами.

Большая часть иконы занята собственно сценами видения. С необыкновенной любовью иконописец изображает панораму средневекового Новгорода с многочисленными храмами и окрестными монастырями. «Главнейшие постройки города переданы столь узнаваемо и точно, что рисунок их может служить и служит в качестве документа для истории многих новгородских архитектурных памятников»⁹, – отмечает Д. С. Лихачев. Особый интерес вызывают изображения новгородцев, занятых своими повседневными делами. До бедствия горожане живут своей обыденной жизнью, не желая изменять в ней ничего: в городе множество церквей, но молящихся в них не видно. Значительное место в композиции иконы отведено изображению Хутынского монастыря, в центре которого возвышается Спасо-Преображенский собор с многоярусным иконостасом. Здесь около десяти раз представлены восставший из гроба и молящийся за грешный Новгород преподобный Варлаам Хутынский и пономарь Тарасий – беседующий с преподобным, поднимающийся по лестнице, стоящий на кровле храма и наблюдающий оттуда уготованные Новгороду казни: нависшие над городом и готовые поглотить его воды озера Ильмень; грозящую сжечь город огненную тучу; ангелов, поражающих стрелами жителей города.

Достичь детального архитектурного сходства иконописцам было необходимо, чтобы вызвать у молящихся чувство умиления от узнавания улиц и зданий родного города. Каждый смотревший на икону новгородец зримо чувствовал угрозу кары Божией и силу заступнической молитвы преподобного Варлаама, святых угодников и

⁹ Там же.

Божией Матери. Отображая красоту своего города, иконописец как бы молитвенно призывал Силы Небесные увидеть чудный град, который должен остаться для потомков, а не быть погруженным в водную пучину.

Однако со временем мистическая сторона «Видения...» отходит на второй план. К середине XVII века – времени создания миниатюр к рукописным текстам Жития преподобного Варлаама Хутынского – главной задачей художника становится точная передача архитектурного ансамбля Новгорода и его окрестностей. Если в начале XVII века миниатюрист еще пытается повторить композицию иконы, то к концу XVII века интерес художника становится архитектурно-«историческим»¹⁰, небесная сфера изображается лишь в виде двух живописных облаков, нависших над городом. Сохраняя «иконописный» плоскостной стиль, условность в трактовке, в духовном плане миниатюры оказываются уже далеки от иконы, теряя ее основной вероучительный смысл. Изображение перестает быть «окном в вечность», постепенно превращаясь в художественную, обладающую эстетической и исторической ценностью картину.

¹⁰ Лихачева Л. Д. Миниатюристы – читатели новгородских литературных произведений // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 341.

Рис. 1. Видение пономаря Тарасия. Конец XVI– начало XVII века. Новгородский музей-заповедник